

Задушевная моя подруга и сокурсница Тамара Сталева (мы вместе учились на литфаке в Пединституте имени Потёмкина) с детства мечтала стать писателем, вернее, поэтом: ходила в литературную студию, её стихи там хвалили. Стихи она потом забросила (разве что друзьям на праздники писала шуточные рифмованные поздравления), стала журналистом, работала на Алтае, вернулась в Москву. Тамара постепенно выделила для себя две темы: «Забытые имена достойнейших сынов России» и «Судьбы неординарных людей, переживших Ленинградскую блокаду». Начала собирать материал.

Первой её книгой стали очерки о жизни сибирского просветителя Петра Ивановича Макушина. Она, по сути, открыла для нас имя истинного «ревнителя света». Крупный книготорговец, он всю жизнь посвятил просвещению народа. В юности был одним из лучших студентов Петербургской духовной академии, а на последнем курсе вдруг заявил ректору: «Желаю теоретическое изучение христианства заменить практическим служением этому христианству» и отправился на родину, в Сибирь. Он стал богат, а жил очень скромно. Зато при его содействии в Томске были открыты первая публичная и первая в России народная бесплатная библиотеки, музей прикладных знаний, народный театр, народный университет.

В 1986 году Тамара выпустила книгу «Сибирский просветитель Пётр Макушин» (переиздавалась дважды). Сейчас, когда слова «коммерсант», «олигарх» стали равносильны расточителю народного добра, достойнейшее, незапятнанное имя Макушина могло бы стать примером для подражания, почитания и народной любви.

Вторая её вечная тема – судьбы людей блокадного Ленинграда. Тамара написала об этом несколько книг. Последняя – «Осо-

бый витамин блокады», вышедшая в свет уже после её смерти, в 2017 году. Она о тех, в ком, несмотря ни на какие невзгоды, сохранился высокий дух чести петербуржца, петроградца, ленинградца, чувство долга, любовь к прекрасному городу. О тех, кто в эти ужасные дни мог работать изо всех сил – на производстве, на заводах, в институтах. А дома – рисовать, читать, писать стихи, вести дневники, помогать друг другу, не всегда понимая, что именно таким образом спасаются от смерти. В Эрмитаже во время блокады – об этом написал в дневнике академик А.С. Никольский – праздновали сначала 800-летие Низами, а потом – 500-летие Алишера Навои. Выступали, сидя и лёжа. Некоторые из докладчиков вскоре скончались. На защиту дипломов в Академии художеств студенты пришли, кто в чём, а профессор, доктор архитектуры О.Р. Мунц – в отутюженном чёрном костюме и белоснежной рубашке, не мог иначе! Очень скоро умер, от голода...

Тамара поместила в книгу и суровые записки блокадников. Архитектор В.В. Лебедев с горечью рассказывает, как к нему на плечо доверчиво сел изнемогавший от холода воробышек, а они с матерью его ощипали и съели. Из потрошков суп сварили. Мать вскоре умерла, у него не было сил её похоронить... Лишь к концу войны, уже в Москве, Лебедев стал писать о том, что не давало ему покоя, не позволяло полноценно работать, – вспоминал отдельные эпизоды блокады. Переписал текст от руки удивительным почерком шрифтовика, пером и тушью исполнил иллюстрации и заставки к отдельным рассказам. Получилась книга «Вереница испытаний», он сам её переплёл. А издал свою книгу только через 50 лет, – в 1995 году, и то уступив настоятельным просьбам Тамары. И это позволило побороть страшный гнёт блокадных событий и жить дальше. Книга же стала большой редкостью. Когда Тамара пришла уже к академику архитектуры Лебедеву поздравить его с 90-летием и попросила сделать обложку для своей книги «Вечные дети блокады», он ответил: «Почту за честь». Обложка получилась волнующая.

Удивительно, но во время блокады издавались книги! Сказки Андерсена, например, тиражом 30 000 экземпляров, да ещё с иллюстрациями В.М. Конашевича! Разошлись мгновенно. Часть тиража послали на фронт, бойцы читали, посылали родным в деревню. Ю.В. Маретин¹, будущий учёный-этнограф, подростком в

---

¹ Юрий Васильевич Маретин (1931–1990) – этнограф-индуист, научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, библиофил, первый собиратель книг блокадного Ленинграда.

блокаду собрал целую домашнюю библиотеку. Книги помогли сохранить ему жизнь.

«Вечные дети блокады», как назвала их в книге Тамара. Вели-

кие книжники! Только эта любовь их и спасала. Некоторые так и умирали с книгой в руках. Великим книжником был и Пётр Евгеньевич Корнилов, коллекционер, библиофил, историк искусства, несравненный знаток русской гравюры. Немало мужественных поступков он совершил в дни блокады, спасая книги.

Когда Тамара узнала, что Дмитрий Сергеевич Лихачёв написал в блокаду брошюру «Оборона древнерусских городов» (вместе с М.А. Тихановой), и она была в 1942 году издана, тут же позвонила академику и попросила о встрече. С очерка о Лихачёве-блокаднике начинается её последняя книга.

И ещё мне непременно хочется вспомнить героя одного из очерков Тамары, комиссара отряда, оборонявшего Шлиссельбургскую крепость. Их засыпали бомбами и снарядами, а он организовал издание рукописный журнала «Орешек», с карикатурами, стихами, рассказами. И заботился о бойцах – построил им баню и даже комнаты отдыха, куда ребята могли уйти в отпуск на несколько дней: почитать, поспать, послушать музыку. Сам остался жив, только ослеп и оглох.

Я часто спрашивала Тамару, почему она, москвичка, так прикипела душой к блокаде, почему открывает и открывает новые имена интереснейших людей, её переживших, почему столько страниц посвящает «просветлённым лицам блокадных детей»? В «Особом витамине» она об этом рассказала. На лето 1941 года родители отправили её и брата-двойняшку в Ленинград, к бабушке и дедушке. А тут началась война, и дедушке, Дмитрию Кирилловичу, кадровому рабочему завода «Электросила», предложили сопровождать эшелон в Свердловск. Он умолил руководство отправить в эвакуацию вместо себя жену и внуков. По дороге домой купил книжку Л. Пантелеева «Белочка и Тamarочка» с рисунками И. Харкевича, о котором Тамара тоже интересно написала, когда с ним познакомилась. Она самостоятельно выучилась по этой книжке читать, храни-

нила её многие годы как память о дедушке, погибшем от голода в Ленинграде в феврале 1942-го года...

Она и сама была серьёзной книжницей, членом Национального союза библиофилов, возглавляемого руководителем Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М.В. Сеславинским. Её очерки нередко публиковались в альманахе «Библиофилы России».

Тамара удивилась бы, что я и её причислила бы к достойнейшим именам России. Она не стремилась к славе, но очень хотела, чтобы написанные ею книги нашли, как говорил академик Лихачёв, того, кому они нужны. Некоторые свои работы она выпустила за свой, увы, небогатый счёт, более того, сама потихоньку отправляла их по почте в школьные библиотеки: «Пусть узнают живущие!»

Когда Тамара неожиданно умерла, мы, её друзья, задумались, что делать с её обширной, тщательно подобранной библиотекой? Часть книг – с автографами друзей, соучеников и героев её книг – передали в Библиотеку Академии наук в Санкт-Петербурге. Большую часть решили отдать в музей «А музы не молчали». Она очень любила этот музей, помогала его формированию, дружила с директором Ольгой Герасимовной Прутт, и многие свои работы, «своих героев» представляла именно там.

Теперь это четырёхэтажное просторное здание, построенное на территории средней школы № 235 им. Д.Д. Шостаковича на Пряжке, где и родился в 1968 году «Народный музей духовной жизни осаждённого города». «В 2017 году, через год после смерти писательницы, историка блокады Т.В. Сталевой, в музее «А музы не молчали...» появился зал «Блокадных детей просветлённые лица», посвященный ей и её литературным трудам о блокаде Ленинграда, – написала нам Ольга Герасимовна Прутт. – Такие книги, как «Пусть узнают живущие», «Вечные дети блокады», «Особый витамин блокады» и др. были написаны Тамарой Владимировной в тесном содружестве с музеем и его сотрудниками. Зал оформлен как её рабочий кабинет, где, наряду с личными материалами, представлены вещи, рисунки, скульптуры героев её книг – детей блокады, ставших впоследствии известными деятелями культуры: Д. Афанасьева, Ю. Маретина, А. Молчанова, В. Новикова и др. Материалы переданы в музей дочерью Тамары Владимировны художником-керамистом Ю. Кирилловой по желанию Т. Сталевой «Пусть узнают живущие!».